

МУРА (1850–1972)

Деревню основали в царствование Николая I километрах в трех от Татьяновки на реке Муре, которая и дала название поселению. В 1895 году здесь проживали 111 человек в 32 дворах.

В 1909 году власти Бабарыкинской волости, в которую входила Мура, выделили дополнительные земельные и лесные наделы по Столыпинской реформе для 79 крестьян.

В годы советской власти деревня относилась к Татьяновскому сельсовету. По переписи 1926 года, перед коллективизацией здесь проживали 24 – 25 человек в 47 дворах.

В тридцатых годах крестьяне объединились в колхоз «1-й сев 2-й пятилетки».

Мужики зажиточные, такие, как братья Белоусовы, Павел и Сергей, Краснослободцев Т.В., упорно жили своим двором и не поддавались на уговоры войти в «общий котел». В назидание другим их арестовали, а через месяц этих неграмотных тружеников-земледельцев расстреляли по обвинению за причастность к «Союзу спасения России».

До войны в Муре стояло около 50 домов. Здесь жили Розанцевы, Катанцевы, Мирусины, Шпаковы, Сердюковы, Плотниковы и другие.

Эти трудолюбивые и доброжелательные люди растили пшеницу, овес, рапс, горох, лен. В колхозе выращивали крупный рогатый скот и овец.

В 1958 году в деревню пришла техника: 4 трактора и 4 комбайна.

К этому времени здесь стояло всего 25 – 30 домов.

В 1971 году жители Муры вошли вместе с Анастасьевкой, Татьяновкой, Муренкой в совхоз «Советский».

Вскоре деревня была объявлена неперспективной, и к 1972 году почти все жители уехали в Томск, Мельниково, Вороново, Татьяновку, Муренку, Федораевку, Анастасьевку, другие села.

НИЖНИЙ (НОВОРОЖДЕСТВЕНКА)
(1908–1972)

Между Новоильинкой и Подобой переселенцами из европейской части России было основано поселение Новорождественка.

Одним из первых жителей здесь появился Тарас Новиченко из прибалтийского города Вильно, кавалер двух Георгиевских крестов, мужчина состоятельный. Родители упаковали сыну в дорогу дорогие сундуки с одеждой, мебель и отправили в дальнюю дорогу. С ним приехал глубоко верующий в Бога брат Тимофей, которого не интересовали богатства земные. Он вырыл себе справа от дороги у реки землянку, в которой усердно молился.

Были здесь и земледельцы, и кузнецы.

До сих пор помнят старожилы Шегарского района кузнеца Кузьмина Сидора Емельяновича. Был он рослым и широкоплечим, крепко сложенным, носил роскошную бороду. Держался независимо, с чувством достоинства. Для всей деревни кузнец ковал подковы, делал тяпки, обода для колес, выравнивал лемеха к плугам. Как у сказочного богатыря, было у него три сына: Антон, Федор и Андрей. Антон во время войны Родину защищал. Потом работал почтальоном и дожил до преклонных лет, успев встретить третье тысячелетие.

Был в Нижнем и свой мастер – шорник Алексей Грехов. Делал хомуты, уздечки набивал блестящие, на узде делал желтые блестящие нити, а на шлее бляшки алюминиевые наклепывал. Был Алексей и хорошим сапожником, его мягкая обувь долго носилась, но особым спросом у населения пользовались чирки.

В центре села жил батюшка – отец Сильвестр. В его доме было много икон и христианской литературы. Когда началась антирелигиозная пропаганда, внук Степан испугался, что набожность деда может отразиться на благополучии их семьи. Ценный груз на тележке увезли в лес. Где находится сейчас этот клад, уже никто не скажет.

В 1932 году агитаторы убедили селян вступить в колхоз. Назвали его «14 лет Октября». В разные годы председателями колхоза были Зверев Афанасий, Максимов Зиновий, Степанов Иосиф, Новокшенов Андрей, Заевский Дмитрий.

В колхозе выращивали лен, рожь, пшеницу и овес, ячмень, горох.

По воспоминаниям Шараевой В.И., библиотекаря Новоильинской школы, в пятидесятые годы здесь стояло 57 дворов, расположенных по обе стороны дороги, два колодца, молочно-товарная ферма, конюшня, птичник. Мама Валентины Ивановны работала на ферме, где разводили серебристо-черных лис. Маленькой девочкой она входила в клетку к лисятам и играла с ними. Кормили лис кониной, хлебом, рыбой.

В чернобурках женщины Нижнего не ходили, а вот овчинные полушубки спасали от холодов и старого, и малого.

Жили тяжело, в трудах и заботах, но в беде никого не бросали. Взаимовыручка была делом обычным.

Во время войны дети работали в колхозе наравне со взрослыми по 12 часов в день, с 4 утра. Летом на полях боронили землю, на быках воду и дрова привозили, чистили дворы от навоза, вывозили его на поля.

Михалев К.С., житель с. Мельниково, вспоминает:

Пришел в 42-м году бригадир к деду и просит, чтобы я вышел на работу поля боронить. А мне всего 11 лет было. Деду стало жалко меня, он говорит: «У него мать есть, как она решит». А мать голову опустила: «Как батя скажет».

Погладил дед меня ласково по голове: «Иди, внучок, война».

Меткий крестьянский глаз все подмечал, и людям давались клички на всю жизнь. Уроженцы Новорождественки до сих пор помнят Бутузкиных. Анастасия Евсеева ласково называла своего супруга Бутуз. В ее устах это звучало, как у Киркорова «зайка моя». Однако прозвище Бутуз неожиданно для всей семьи стало фамилией. Теперь уж мало кто помнит, что настоящая фамилия Петра не Бутузкин, а Евсеев.

После 58-го года народ начал разъезжаться, но еще до шестидесятых годов здесь жгли древесный уголь. Свиноферма же просуществовала еще 10 лет.

В 1972 году село прекратило свое существование.

ОРЕЛ (Новооктябрьск, Подобинские хутора) (1908–1964)

Новооктябрьск заселился людьми около 100 лет назад, в годы Столыпинской реформы.

В начале своего основания это были разбросанные вблизи тайги хутора, по одному - два хозяйства. Жили бедно, большими семьями, по 10 – 16 человек.

В трех километрах от Подобы, у заболоченного озера стоял хутор Пищяевых, приехавших из Мордовии. Он состоял из 7 дворов, в которых жили с семьями отделившиеся от отца братья Егор, Петр, Михаил, Иван, Алексей и две их сестры.

Подальше стоял крестовой дом Казака Адама Антоновича, приехавшего в эту болотно-комариную глухомань из высокомерной Польши.

Еще дальше – хутор Сеповых на две семьи, приехавших после революции из голодного Томска. В этой семье дети рождались каждый год, всех нужно было кормить, одеть. Полтора десятка малышей можно было поднять в те годы, только имея свой огород и пашню.

Ближе к лесу стояли хоромы Ламеко Федора Пахомовича, переехавшего из Новороссийска (Верхнего), ставшего со временем частью Новоильинки. Из этого же села поселился поблизости Плют Петр Захарович.

Следующий хутор основали баптисты Литвенко.

Жили на Подобинских хуторах Колобова, Вагановы, Прищеповы, Астащенко.

Из Вятки сюда приехали Лузин и Вяткин.

Перед войной здесь стояло 34 двора.

Дома строили пятистенки и крестовые. Печи били деревянными молотками из глины, которую мешали с солью. Первым научился делать кирпичи дед Наум Васильевич Смирнов, проживший 114 лет. Сначала он сушил их на солнце, а затем прожигал в сушилке, которую топил метровыми